

Алексей Поликовский

СЧАСТЬЕ

семь рассказов

Алексей Поликовский
Счастье. Семь рассказов

«Издательские решения»

Поликовский А.

Счастье. Семь рассказов / А. Поликовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838951-1

Время уносит и стирает людей, но они остаются в рассказах Алексея Поликовского такими, какими были когда-то на опасных ночных улицах и в заваленной снегом Москве неизвестно какого советского года. Взрослые остаются в рассказах молодыми, а дети не вырастают, потому что им незачем спешить в наш сегодняшний день. Так они и живут все в этой маленькой книжечке — brutальный таксист, гениальный рок-гитарист, мальчик и девочка из окраинной школы и сумасшедший, не знающий, что сошел с ума...

ISBN 978-5-44-838951-1

© Поликовский А.
© Издательские решения

Содержание

Счастье	6
Сенцов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Счастье Семь рассказов

Алексей Поликовский

Фото на обложке предоставлено Олегом Авдониным

© Алексей Поликовский, 2017

ISBN 978-5-4483-8951-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Счастье

Однажды, много лет назад, по обстоятельствам, которые здесь не место излагать, я бодро шагал в три часа ночи по Ленинградскому проспекту в сторону центра. В голубоватом свете фонарей передо мной расстилались безлюдные широкие тротуары; гряда деревьев посредине проспекта неумолчно шелестела листвой. Я миновал шашлычную, известную всей Москве под названием «Антисоветская» – столы и стулья в пустом зале показались мне обнажёнными и уродливыми в предрассветный час, — и впереди мутным желтоватым пятном замаячила телефонная будка с открытой дверью.

Я был счастлив – тем глупым счастьем молодости, для которого не нужно причин. Я был счастлив просто оттого, что был один, что была ночь, что вокруг меня лежал город, где я назубок знал переулки и проходные дворы, оттого, что так таинственно и нестрашно шелестела листва и таким голубоватым отражённым светом сияла широкая мостовая. Была та пора, когда самые тяжёлые и тягучие часы ночи позади. Небо за деревьями, над невидимой мне чашей стадиона «Динамо», было зелёным, и в высоте его стояли две звёзды. В перспективе проспекта мигнул светофор, сменив красный на жёлтый. Я подошёл к телефонной будке – и увидел, что в ней, лицом в пол, лежит мужчина в белой рубашке. Секунду я созерцал его спокойно и отстранённо, без страха и тревоги, даже улыбка не исчезала с моего лица – улыбка воодушевления, с которым я совершал свой пеший поход по ночной Москве. Взгляд мой постигал действительность медленно, как будто я смотрел сквозь прорехи в преграде и никак не мог склеить в мозгу части картины. Сначала я увидел – крупно, отчётливо, как на экране – затылок лежащего человека. Человек был светловолос, а затылок был чёрным. Затем я стал различать на резиновом ребристом полу тяжёлую, густую, неподвижно стоящую в углублениях кровь, нашпигованную осколками стекла. Куски действительности наконец соединились в моём сознании, произошло замыкание – и я увидел вдруг всю картину так, как почему-то не видел её до сих пор: обрызганная уже побуревшей кровью серая стенка телефонной будки, выбитое стекло, пугающе-неподвижные ноги в светлых брюках. Я присел на корточки рядом с человеком и позвал: «Ау, друг! Слышишь меня?». Нет ответа. Взял его руку – широкая, рыжеватым волосом поросшая рука с короткими пальцами и коротко остриженными ногтями – и попытался пощупать пульс. Но пульса я не нашёл – или его не было? Рука вяло и послушно упала на пол. Я в задумчивости глядел на находку, соображая, как с ней быть. Тёплая ночь стояла в Москве, ночь, наполненная приятным шелестом листвы на опустевших бульварах.

Только что, радостно маршируя по просторным тротуарам мимо тёмных домов с погашенными окнами и мирных пустых павильончиков троллейбусных остановок, я был преисполнен чувства безопасности, которое возможно только в родных местах. Теперь, сидя на корточках рядом с неподвижно лежащим лицом вниз мужчиной с размолотым в кашу затылком, я вдруг ощутил, что новая, опасная, преступная жизнь дынула и глянула на меня волчьими глазами. Это почему-то не напугало, а обрадовало меня. Мышцы между лопатками напряглись, я передёрнул плечами и быстро оглянулся. Никого. Но кровь на стенках телефонной будки была недавняя. Я нерешительно выпрямился – и в этот момент там, где ещё не просветлевшее небо своей тёмной массой сливалось с землёй, возникла зелёная точка и стремительно понеслась, петляя в ночи. Я ждал. Такси возникло из тьмы и шелеста деревьев, как фантом. Я ринулся на мостовую, к её середине, и замахал рукой. Машина вильнула, объезжая меня, и встала, завизжав тормозами. Таксист, положив толстый локоть на опущенное стекло, смотрел на меня исподлобья немигающим взглядом.

– Чего тебе надо?

– Там человек лежит. С разбитой головой.

– Убитый? Труп?

Я пожал плечами.

Он открыл дверцу и с раздражённым видом человека, которого отвлекают от важных дел, зашагал к телефонной будке. Он был невысок, на голову ниже меня, но широк в груди и плечах. Фигура у него была грузная, с брюшком и короткими ногами, но движения решительные и шаг скорый. Счётчик у него в машине почему-то беспрерывно щёлкал и показывал сорок один рубль с копейками. Он оглядел лежащего и уже шагнул назад к своей «Волге». – Садись!, – крикнул он мне. Я сел вперёд, рядом с ним, и он яростно взял с места. Кренясь, заваливаясь на бок, машина развернулась посреди улицы и помчалась назад. Мы неслись против движения, но встречных машин не было. – Куда мы? – В милицию. Тут отделение рядом, – бросил он, а я увидел и запомнил его профиль на фоне летящей в открытом окне чёрной тёплой ночи: прямой лоб, короткий сильный нос, подобранный рот и властный подбородок. Над распахнутым воротом ковбойки поднималась толстая шея. Это был профиль римского цезаря и московского таксиста – короля ночи. Нас ударом швырнуло вверх – он с налёта влетел на тротуар – и, снова с визгом тормозов, мы остановились у самых дверей милиции.

– Пусть забирают свой труп!, – раздражённо проревел таксист, высаживаясь, и с грохотом захлопнул разболтанную дверцу автомобиля, так что тысяча человек, спящих в окрестных домах, нервно вздрогнули под своими одеялами.

Мы вошли. Офицер в серой форме с красными погонами, перетянутый новенькими ремнями, с непокрытой головой (фуражка лежала на столе) сидел за стеклом в казённом помещении. За спиной офицера висели плакаты. Углы его рта были тоскливо опущены вниз – розовощёкое лицо парня, мающегося бездельем. Он поднял на нас скупающие глаза.

– Слышь, начальник, там у тебя на Ленинградском у гастронома труп лежит!, – наваливаясь плечом на стекло, сказал таксист. – Вот малый его нашёл.

– Труп опять.., – эхом откликнулся лейтенант. – С разбитым затылком?

– Ты откуда знаешь?, – удивился таксист. – Сам бил?

– Пятый уже за ночь!, – вздохнул офицер, смиряясь с необходимостью что-то делать. Он встал, распрямляя затёкшую спину, и я услышал лёгкий хруст его суставов, и поплыл по комнате сильный запах одеколона «Шипр», перемешанный с запахом новенькой кожаной портупеи. Спазматический зевот стал раздирать его рот. – Эааах! Скачки сегодня были. Они выигрывают и идут в ресторан, а *он* смотрит, кто гуляет, и подлавливает их, – наивным детским языком пояснил он нам, глядя на нас голубыми честными глазами. – Правда, что ль, труп? Проверяли?

– Я давление ему не мерил!, – хохотнул таксист. – Предыдущие твои как? Под чистую?

– Двоих под чистую. Двоих в Склифосовского увезли, за жизнь их борются, – он уже нажимал какие-то кнопки и брал трубку. – Да. Шестьдесят восьмое. Да, опять. Пауза. – Ну, а ко мне какие претензии? *Он* мне заранее не докладывает, скольких решил пришибить. Может, и ещё будут. На Ленинградском, у гастронома. Он послушал. – Ну, как у тех, затылок. Положил трубку. – Одинаково он бьёт, – пояснил он нам опять как-то по-детски. – Подходит сзади и молотком по затылку. Он помолчал, продел большие пальцы под ремень, прогнал их в стороны, разгоняя складки – и доверчивым взглядом ребёнка попросил у нас поддержки. – А может, не молотком, а кирпичём? Завернул кирпич в полотенце и носит его в портфеле, а? Может такое быть? Как вы считаете, может?

– В этом городе ночью может быть всё!, – вдруг злобно крикнул таксист, возвращаясь к своему прежнему раздражённому состоянию короля ночи, и огласил стены отделения милиции громким коротким матом. Лейтенант робко и застенчиво глянул на него. – Пошли, парень, не наше дело им трупы по улицам собирать!, – ругался он, шагая к двери и громко хлопая ей. Он производил впечатление человека, который назло другим хочет произвести как можно больше шума. Мы сели в «Волгу», стоявшую с работающим мотором, и понеслись к проспекту.

В кабине было темно и уютно. – Куда тебе ехать?, – не поворачиваясь ко мне, спросил таксист. – У меня денег нет. – Ехать тебе куда?, – рыкнул он, не сбавляя скорости, повернул на Ленинградский и прибавил газ. Машина понеслась так, что я услышал рёв ветра, обтекающего крышу и крылья, и почувствовал напряжение мотора, и увидел свирепый лёт асфальта, уносившегося под капот. – На Горького. Пушкинская площадь. Он никак не отозвался. Просто принял к сведению. Мелькнула жёлтым пятном телефонная будка, в которой по-прежнему лежал лицом вниз то ли убитый, то ли раненый бессознательный человек. Мы неслись, счётчик отсчитывал сорок второй рубль, небо слева от нас, над крышами, светлело на глазах и из зелёного делалось розовым и белым, а светофоры на Горького всё продолжали свою бессмысленную работу: красный... жёлтый... зелёный... красный... жёлтый... зелёный. Мы неслись, и я чувствовал, что спокойствие и ощущение безопасности снова возвращаются в мою душу, а происшедшее – кровь на резиновом ребристом полу, неподвижно лежащий мужчина с чёрным слипшимся затылком, милиционер в отделении у ипподрома, собирающий пять трупов за ночь, неведомый мне грабитель с молотком, а может, и кирпичом, завёрнутым в белое кафельное полотенце – уже отлетало в прошлое и превращалось в историю и анекдот. Когда ты несёшься по Москве в такси, вниз по Горького, рядом с угрюмо молчащим шофёром, мимо тёмных витрин магазинов и кафе, названия которых ты знаешь наперечёт – ты ничего не боишься, и тебя ничего не пугает, и в будущее ты смотришь с внезапной и ни на чём не основанной надеждой.

1978

Сенцов

Я шёл по коридору, а прямо на меня, раскачиваясь всем телом, бежал Сенцов – маленький мальчик с очёчками на носу. «Стоп! Куда так? Что такое?» Вырванный из бега, он уставился мне в лицо серыми немигающими глазами. «Не надо так носиться, Сергей! Разобьёшь себе что-нибудь!» Вся его фигурка окаменела в протесте. «Ты понял?». Молчание в ответ. «Ну ладно, иди». Он крутанулся на каблуке и бросился бежать. Он яростно пожирал пространство, уносясь вдаль по коридору огромными скачками. Его спина внезапно падала вперёд, и казалось, что лицо сейчас со всего размаха ударит об пол, но этого не случилось, потому что тщедушное тельце вдруг подскакивало вверх на огромных чёрных ботинках. Разболтанные колени совершали круговые движения, а руки махали с невероятной амплитудой, сами по себе, совсем не в такт шагам. Он влетел в открытую дверь класса в дальнем конце коридора, раздался грохот и звон разбитого стекла. И вот ко мне уже бежали дети: «Алексей Михалыч, Сенцов в окно выпал!»

Это был первый этаж. Сенцов пробил створку окна, вывалился на мокрую траву газона, отряхнулся и как ни в чём не бывало залез обратно. Теперь он огорчённо вертел в руках обломки очков. «Меня мамка за очки убьёт, Алексей Михалыч!» Сидя за учительским столом в окружении детей, я смазал очки клеем, сжал и перебинтовал изолентой, надеясь, что они продержатся до вечера и развалятся после того, как он придёт домой в *целых* очках. «На, держи! До вечера лицом не бейся ни обо что!» – «Спасибо!», – выкрикнул он восторженно, забыв, что пять минут назад видел во мне тирана. «Спасибо, Алексей Михалыч, вы меня от мамки спасли! Всё, я теперь немецкий учить начинаю, серьёзно!», – добавил он, желая сделать мне приятное.

Это я уже слышал раз тридцать за те полгода, что вёл немецкий в четвёртом классе. И это было безнадежно. Ни по одному предмету он учиться не мог и был обречён до восьмого класса собирать все учительские проклятья. Из начальной школы Сенцов пришёл, умея читать только по слогам и писать раза в три медленнее одноклассников. При письме у него быстро уставала рука. Он отстал в самом начале пути, ещё в первом классе. Раз в неделю, побуждаемый мной, он делал честную попытку выучить что-нибудь – и тогда перед уроком вился вокруг меня, заглядывая мне в лицо: «Guten Tag! Ich habe heute Dienst!». Он выучил рапорт дежурного наизусть. Стоя перед классом, он бодро выкрикивал немецкие слова. «Ну, Сенцов, ты даёшь!», – вполголоса говорила отличница Гуля, но в её похвале было сдержанное презрение к нему. Я ставил в дневник красивую, большую «пятерку», но и «пятерки» не могли помочь ему. Как только я отходил, его мысли, освобождённые от моего надзора, разлетались, как голуби. – «А?», – удивлённо озирался он, когда я вызывал его – ответив рапорт, он был убеждён, что уже совершил самый большой труд в изучении немецкого языка...

Прозвенел звонок. Сенцов сел за стол. Сложив руки перед собой, он водил глазами вправо-влево, следя за моими перемещениями по классу. Это означало, что он «стареется». Немецкие слова влетали ему в уши, но он не понимал их. Класс зашевелился и зашуршал, листая страницы – с секундным опозданием Сенцов тоже бросился открывать учебник, но он не знал немецких числительных и поэтому не мог понять, какая нужна страница. В цирковой позе, наклонив и вытянув всё своё гуттаперчевое тело, он свесился через ряд, пытаясь разглядеть, где открыты учебники у девочек Иры и Гули...

Всё, происходящее на уроке немецкого, потрясало его. Его потрясали немецкие слова – тем, что были так непохожи на русские. Эти слова залетали в него, и он с удивлением осматривал их, как эскимос севший рядом с чумом вертолёт; как лопастям и шасси, он удивлялся невиданным и неслыханным артиклям и суффиксам. В жизни своей он не прочёл ни одной книги до конца, а единственную толстую, которая была у него в доме – «Приключения Винни-Пуха» – сдал в классную библиотеку, признавшись честно: «Берите, Алексей Михалыч, она мне

всё равно не нужна! Я читать не люблю!». Текст, который все ребята сейчас читали по цепочке, передавая предложение как эстафетную палочку, для него был столь же тёмным, как табличка с шумерскими письменами: прямоугольное пространство, заполненное загадочными буквами. Он слушал, как ребята бойко произносят немецкие слова, удивлялся их тарбарскому звучанию и повторял по себе все эти «gehen», «kommen», «wir» и «mir»... Очередь дошла до него, он этого не понял и сидел, с выпяченной нижней губой глядя в текст. «Сенцов, твоя очередь, читай!», – возмущённо зашумели хорошие ребята. Он скорбно изучал наполненное буквами пространство. Я подошёл и ткнул пальцем. Вся его фигурка выражала теперь невероятное напряжение – бледным маленьким лбом упёршись в страницу, он пытался одолеть положенное ему предложение. Но от напряжения и волнения в памяти его, и без того непрочной, путались русские буквы и немецкие. Он, глядя на слово, раз, другой и третий говорил его про себя и потом отрывисто выкрикивал резким, хрипловатым голосом. Так могла бы выкрикивать немецкие слова ворона. По классу поползли шум и смешки... «Молодец, хорошо!», – похвалил я, когда он одолел три слова и вступил в борьбу с четвёртым, но как в стену упёрся в сочетание «sch» и замолк потрясённо. Широко раскрыв глаза, он глядел на три загадочные буквы. Я раз сто объяснял ему, что вместе они читаются как «ш», но он всё равно пытался прочесть их по отдельности. Губы его обречённо шептали какую-то чушь. «Ну, Сергей, как читаются эти три буквы, помнишь?» Не поднимая головы, он всё пытался, но выходил какой-то хрип: «эсцыхэ...». Он сам понимал, что быть такого не может даже у немцев. – «Не помню, Алексей Михалыч!», – его светлая голова взлетела вверх, и честные глаза уставились мне лицо...

Эстафетная палочка ушла дальше, и груз упал с его плеч. Некоторое время он сидел тихо, без мыслей и чувств глядя на закорючки и палки. Он чувствовал, что внимание учителя и класса переместилось в другую сторону. Быстро «стрельнув» глазами по сторонам, он запустил руки по локоть в портфель и рылся там, пока не вытащил промокашку. От неё он оторвал край, скатал и забросил в рот. Ещё один проверочный взгляд на учителя – и он яростно зашептал своему другу, три урока назад, после визита в школу отца, вставшему на путь исправления: «Исай, а, Исай!» Ноги Исаева, обутые в чёрные, похожие на семечки, чешки, нервно забегали под столом. Но он не повернулся, а по-прежнему смотрел в учебник. «Исай, э, Исай!» На шее и щеках Исаева выступили красные пятна. «Исайчик, ну миленький же!» – «Отстань от меня!», – не выдержав пытки, в ужасе закричал тот, и тотчас в середину его лба ударился снаряд, мощно выплюнутый Сенцовым. «Отлэ, отлэ, Саня!», – грудью упав на стол и пряча рот в руки, пережатым горлом захихикал Сенцов, именно Исаева почему-то призывая радоваться меткости своего попадания. – «Алексей Михалыч, а что он стреляется!», – в голос завопил обиженный Исаев, у которого всё лицо было уже залито бордовой краской. – «А что он сам...», – попытался контратаковать Сенцов, но тут же замолк, потому что я положил ему руку на плечо и придавил вниз. Плечо под синей тканью пиджака, купленного на вырост, было крошечным.

Мои отличники, толстые Лёня и Олег, вели диалог, усыпая свою высоко-интеллигентную речь выражениями из учебника «Говори по-немецки!», предназначенного для студентов вузов. «Слушай!», – шепнул я ему, сам зная, что слушать такое для него бессмысленно. Сенцов притих, как мышка, переживающая опасность. Но как только я отошёл, он нетерпеливо завертел попкой по стулу, полируя деревяшку. Повертевшись, он откуда-то извлёк скомканный лист бумаги, разгладил его ладонью и в два счёта шариковой ручкой изобразил девочку Гулю. На его рисунке это был кактус с глазками и косичками. «Исай, Исайчик, глянь!», – снова зашептал он, уже забыв, что только что плевал промокашку другу в лоб, и не понимая, что опасность нависла над его светловолосой легкомысленной головой. «Сенцов!», – крикнул я, оборачиваясь на шуршание и шёпот, всё нараставшие за моей спиной. Выброшенный окриком вверх, он вскочил и, дико озираясь, пытался понять, о чём речь и чего от него хочет учитель. Смеющиеся, насмешливые лица окружали его. Он решил, что должен отвечать – и, неожиданно

для себя самого, каркающим громким голосом закричал немецкие слова, которые посыпались из памяти в речь, как горошины на пол из продырявленной банки. Это было всё, что он запомнил за полгода учёбы – разрозненный, невесть как завалившийся в него хлам. Класс грохнул смехом. Он стоял, сердито оглядываясь...

«Положи дневник на стол! Ты болтаешь, а не слушаешь!» Понурившись, он сидел, смотря в окно. Исаев, немецкий, класс – всё теперь перестало интересовать его. Силы его души были так малы, а возбудимость так велика, что он всякую радость воспринимал как великую, а любую неприятность – как несчастье. На этих качелях его раскачивало. Он был наделён даром столкновения; он был неспособен пройти мимо стула, чтобы тот не свалился ему на ногу, и пробежать мимо гвоздя, не насадив себя на него. Иногда его бледное личико страдальчески искажалось: «За что?» Любой другой на его месте не стал бы буянить и шуметь на уроке, после того, как я велел слушать – но он, весёлый, как щеночек, не обратил внимания и влип. Его дневник заложником лежал на учительском столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.